

ТЕОРЕТИКО-ИГРОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ АСИММЕТРИЧНОГО КОНФЛИКТА

КАЗУС ВОЙНЫ В АФГАНИСТАНЕ (2009–2016)*

АЛЕКСЕЙ ТЕТЕРЮК
ЯН ЧИЖЕВСКИЙ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

На протяжении без малого всего первого двадцатилетия XXI в. США, страны НАТО и создаваемые ими международные коалиции оставались вовлечёнными в ряд асимметричных военно-политических конфликтов. Военная кампания в Афганистане стала самой длительной в истории Соединённых Штатов. Президент США Барак Обама, перед тем как покинуть пост в 2016 году, сделал ряд громких заявлений об успехе миссии. При этом, на взгляд сторонних наблюдателей, по мере снижения численности иностранного контингента на территории Афганистана военно-политическая обстановка в стране ухудшалась. Результативность и эффективность решений, принятых предыдущим американским руководством на этом направлении, вновь стала предметом острых дискуссий в свете стратегического плана, анонсированного президентом Дональдом Трампом. Его команда предложила отказаться от устанавливавшихся прежде временных ориентиров и сконцентрироваться на достижении результата. Акцент миссии сместился с комплекса мер по поддержанию мира и развития Афганистана на уничтожение террористов. Авторы настоящей статьи предпринимают попытку отойти от дескриптивного метода исследования военно-политических конфликтов и оценить эффективность военной компоненты стратегии США и Международных сил содействия безопасности на территории Афганистана в период президентства Б. Обамы (2009–2016) с использованием теоретико-игровой модели террористических и контртеррористических действий. Результаты регрессионного анализа панельных данных и временных рядов характеристик военно-политической обстановки на территории различных регионов Афганистана, собранных авторским коллективом в рамках ивент-анализа, свидетельствуют о неприменимости разработанных ранее подходов. Вопреки ожиданиям функция террористической активности боевиков напрямую связана с осуществляемыми в стране контртеррористическими действиями, в то время как функция, характеризующая интенсивность контртеррористических действий, не зависит от действий боевиков. В результате в качестве инструмента прогнозирования развития военно-политической обстановки в условиях нелинейного асимметричного конфликта в Афганистане

* Публикация подготовлена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований №15-37-01207 «Новая асимметричная война в теориях международных отношений: концептное моделирование, ивент-анализ, многомерный статистический и пространственный анализ конфликтов в Афганистане, Ливии и Украине».

Дата поступления рукописи в редакцию: 14 апреля 2018 г.

Дата принятия к публикации: 27 августа 2018 г.

Для связи с авторами /Corresponding author

Email: teteryuk-2011@mail.ru, yanchizhevsky@gmail.com

после 2016 г. авторы предлагают собственную модель, описывающую динамику террористических и контртеррористических действий.

Ключевые слова:

теория сложных систем; нелинейность; асимметричный конфликт; НАТО; США; Талибан; Афганистан; количественные методы; регрессионный анализ; теоретико-игровое моделирование; терроризм.

Проблематика асимметричных военно-политических конфликтов остаётся предметом острых дискуссий на протяжении 2000-х и 2010-х годов. Этому способствует неоднозначность результатов, достигнутых в ходе военного вмешательства в эти ситуации международных коалиций во главе с США. Классические и современные публикации в данной области были достаточно подробно рассмотрены в сборнике «Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки» [Подберёзкин, Боришполец 2014: 842].

Теория асимметричных конфликтов пережила новый подъём после трагедии 11 сентября 2001 года, когда к списку постмодернистских субъектов международной политики стали относить террористические неправительственные организации (ТНПО). На заре постбиполярной эпохи Мартин ван Кревельд спрогнозировал, что в будущем войны будут вести не армии, а неинституционализованные, сетевые организации [Creveld 1991: 295]. Подробный анализ отличий современных сложных конфликтов от конвенциональных войн прошлого осуществил Майкл Гросс [Gross 2010: 160]. В своём исследовании он опирался на известную работу Мэри Кальдор, которая полагала, что характерной чертой последних двух десятилетий стал рост числа асимметричных конфликтов, названных ею «новыми войнами» [Kaldor 2006].

Для исследователей «войн четвёртого поколения» принципиальным остаётся вопрос о том, почему в условиях асимметричных конфликтов более сильный участник зачастую несёт несоизмеримо большие потери, чем его противник, а иногда даже терпит поражение? Классическими в этом

отношении считаются работы Ивана Арреган-Тофта, Эндрю Мака, Глена Снайдера и Пола Дейсинга [Arreguin-Toft 2001; Mack 1975; Snyder, Diesing 1977]. Среди отечественных специалистов, обращавшихся к этой тематике, стоит выделить публикации А.И. Подберёзкина, Л.В. Дериглазовой, Е.А. Степановой, С.С. Веселовского и М.А. Хрусталёва [Подберёзкин 2014; Дериглазова 2005; Степанова 2008; Веселовский 2013; Хрусталёв 2008; Сушенцов 2014].

Характерная черта асимметричных военно-политических конфликтов в XXI в. — множественность интерпретаций норм международного гуманитарного права (МГП). Вопросами их применения и нарушения в современных условиях занимался широкий круг авторов международного журнала «Красного креста» (например, [Hopkins 2010; Eyal 2012]). В свою очередь, этические вопросы использования новейших систем вооружения в условиях асимметричного военно-политического противостояния были освещены в работах Е.М. Бужинского, Р.С. Аркина, Р. Боеда [Buzhinsky 2014; Arkin 2010; Boed 2010].

Анализ региональных войн последнего десятилетия позволяет дать рабочее определение асимметричного конфликта и выделить его специфические особенности. Он представляет собой разновидность (частный случай) вооружённого конфликта, предполагающую неравный характер отношений, в частности диспаритет потенциалов противоборствующих участников. В этих условиях слабая сторона стремится придерживаться стратегии, позволяющей компенсировать ресурсное отставание. Чаще всего она использует нетрадиционные методы ведения войны¹ с целью нане-

¹ К ним можно отнести диверсионно-террористическую тактику, перемещение боевых действий в города, использование гражданских лиц и объектов инфраструктуры в качестве щита.

сения материального и психологического ущерба, достижения политической победы, предполагающей навязывание противнику невыгодной модели протекания конфликта, затягивание его временных рамок. Сильная сторона в условиях асимметричного противостояния сталкивается с рядом проблем: невозможностью соблюдения принципов и норм МГП; давлением со стороны мирового сообщества, национальной общественности и СМИ; невозможностью в короткие сроки решить стратегические задачи.

Эту трактовку асимметричных конфликтов авторы впервые предложили в 2014 году. Впоследствии она была апробирована в рамках конференций РАМИ в 2016 и 2017 годах, а сегодня используется и другими российскими специалистами в сфере военно-политического анализа [Подберёзкин 2017: 253].

1

Рассматривая взаимодействие сторон в условиях современных военно-политических конфликтов, многие исследователи принимают за аксиому наличие прямо пропорциональной причинно-следственной связи между динамикой террористических действий, осуществляемых слабой стороной, и масштабом контртеррористических операций сильной стороны конфликта. Часто это проявляется в увязывании численности контингента последней с результатами, достигнутыми в ходе военной кампании. Построенная в рамках этой логики теоретико-игровая модель была формализована и подробно описана в работах Хусрава Гайбуллоева, Джеймса Пиацца и Тодда Сандлера [Gailbulloev 2017: 491–522].

В соответствии с ней в ходе асимметричного конфликта противники одновременно выбирают стратегию и «делают ход». Террористическая группа осуществляет атаку (подрыв, ракетный удар, вооружённое нападение) – a ; правительственные войска или международная коалиция проводят ответный удар в форме контртеррористических действий (рейд, операция,

захват, арест) – e . В рамках своего хода террористическая группа решает задачу **максимизации эффекта** от нападения с учётом того, что предельная полезность (u) каждой последующей атаки снижается, а предельные издержки террористов (c) растут из-за ответных действий противника. В результате может быть выведена формула, описывающая максимизацию эффекта для слабой стороны:

$$\max_a [u(a) - c(a, e)].$$

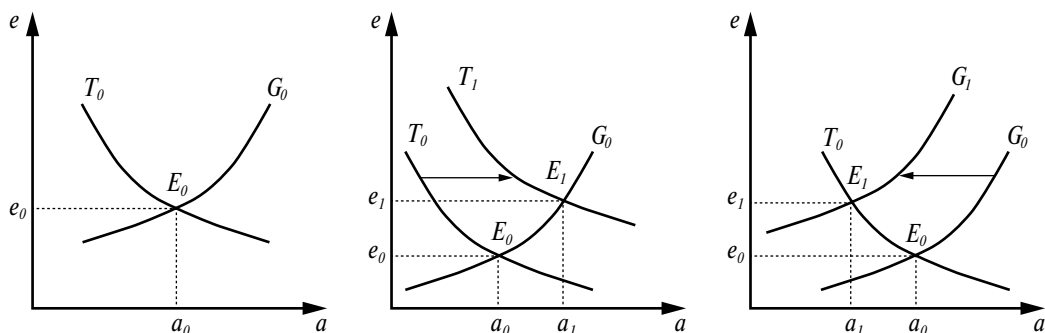
Правительственные или коалиционные войска, в свою очередь, решают задачи **минимизации потерь** – l и **расходов** – C в условиях растущих предельных издержек проведения контртеррористических действий. Соответственно, формула, описывающая снижение ущерба от террористических атак, может иметь следующий вид:

$$\min_e [l(a, e) - C(e)].$$

Путём ряда преобразований исследователи демонстрируют, что график функции T_a , описывающей действия террористов, имеет отрицательный наклон, а график функции G_a , описывающей контртеррористические действия правительства или международной коалиции, – положительный, при a (атаках), отмеченных на горизонтальной оси, и e (контртеррористических действиях) – на вертикальной (рис. 1).

На втором графике сдвиг T_a вправо ($T_0 \rightarrow T_1$) приводит к усилению террористической активности ($a_0 \rightarrow a_1$) и, как следствие, повышению интенсивности контртеррористических мер ($e_0 \rightarrow e_1$). На третьем – сдвиг G_a влево $G_0 \rightarrow G_1$ свидетельствует об усилении контртеррористических мер ($e_0 \rightarrow e_1$), что, в свою очередь, снижает террористическую активность ($a_0 \rightarrow a_1$). Таким образом, было формализовано утверждение о взаимообусловленности (одновременной двунаправленной причинно-следственной связи) террористических актов и контртеррористических действий в условиях асимметричных конфликтов. Упрощённо его можно переформулировать следующим образом: чем больше терактов совершает слабая сторона,

Рисунок 1
Взаимосвязанность действий террористов и контртеррористических операций

Источник: составлено авторами.

тем более активные контртеррористические действия предпринимает сильная, что в конечном счёте приводит к снижению числа терактов. Данная модель служит основой для многих современных прикладных исследований асимметричных конфликтов в XXI веке. При этом её положения оказываются малоприменимыми для описания развития реальной военной обстановки на театрах военных действий Афганистана, Ирака, Ливии, Сирии.

В данной статье на эмпирическом материале, полученном в ходе военных действий на территории Афганистана в президентство Барака Обамы (2009–2016), тестируется представленная классическая модель. Работа развивает исследование, опубликованное в 2014 году [Шаклеина 2014: 391–415]. Проведение анализа затрудняется тем, что современные кампании в условиях асимметричных конфликтов сложно оценивать с точки зрения классической военной тактики и стратегии. Задачи, которые ставятся перед боевыми подразделениями, частями и соединениями в такого рода противостояниях, отличаются от задач в конвенциональной войне. Более того, корректная оценка результатов операций, осуществляемых в условиях асимметричных конфликтов, и дальнейшее прогнозирование развития военно-политической обстановки оказываются затруднёнными в силу ряда обстоятельств.

Во-первых, в нелинейном конфликте традиционная логика ведения боя теряет смысл, поскольку использование и даже навязывание слабой стороной неконвенциональных методов войны меняет ход операций и, как следствие, всей кампании. Такая тактика рассеивает ресурсы регулярных вооружённых сил, затягивает выполнение поставленных перед ними задач, подрывает возможности планирования и прогнозирования стратегии ведения войны на перспективу. Тем самым затрудняется идентификация момента, когда миссию можно считать выполненной или когда условия благоприятствуют выходу из конфликта малой кровью. Отечественный исследователь Рачья Арзуманян отмечает, что нелинейная природа сложных адаптивных систем (современных конфликтов) приводит к тому, что операции постконфликтной стабилизации превращаются в ряд циклов. Симптомами же успешной кампании может служить приемлемый уровень нестабильности и постепенное снижение враждебности [Арзуманян 2011: 218].

Во-вторых, традиционный анализ военных операций часто принимает форму дескриптивного описания потенциалов воюющих сторон (сил и средств) и хронологии событий, что также позволяет тестировать гипотезы и строить прогнозы развития военно-политической обстановки преимущественно в русле линейной пара-

дигмы [Коргун 2015; Нессар 2012; Мендкович 2014; Казанцев 2013; Серенко 2013; Сушенцов 2014].

В частности, А.А. Сушенцов подробно описывал кейс Афганистана в монографии, посвящённой малым войнам США в XXI веке. Тем не менее концептуальные выводы работы сводятся к констатации: «Цели политической стратегии Соединённых Штатов в конфликте в Афганистане на протяжении 2000-х годов менялись трижды» от силового изгнания из страны талибов к задаче «государствостроительства» и к «ответственному завершению войны» [Сушенцов 2014: 248–250]. Наталия Шапиро в опубликованной в 2017 г. статье приходит к выводу, что в администрации Б. Обамы отсутствовал консенсус относительно действий на афганском направлении [Шапиро 2017: 13–21]. Д.Б. Малышева, перечисляя угрозы, пишет о рисках эскалации ситуации для стран Центральной и Южной Азии в связи с развитием текущей военно-политической обстановки в Афганистане [Малышева 2017: 21]. При этом концептуальные выводы мало отличаются от результатов других аналитических работ российских авторов по данной тематике [Тетерюк 2013; Сушенцов 2013; Коргун 2015; Казанцев 2017].

Зарубежные авторы также рассматривают современную военно-политическую ситуацию в Афганистане как с точки зрения действующих субъектов, так и посредством анализа отдельных проблемных узлов вроде роли ИГИЛ (организация запрещена в России) или наркотрафика [Katzman, Thomas 2017; Kenney 2016]. При таком подходе исследователи могут упустить существенные закономерности и взаимосвязи, характеризующие нелинейную реальность асимметричного конфликта. Таким образом, для изучения войн XXI в. необходима методология, которая позволила бы преодолеть ограниченность получаемой из открытых источников информации об итогах очередной военной операции. Одним

из решений в данной ситуации видится опора на теоретико-игровое моделирование в сочетании с методиками количественного анализа.

2

Основу методологии настоящего исследования составляют количественный ивент-анализ и регрессионный (статистический) анализ.

Количественный ивент-анализ предполагает сбор и обработку информации об отдельных ситуациях, иллюстрирующих в совокупной форме общее состояние некоторого явления или процесса [Боришполец 2010: 70]. В этой связи для проведения настоящего исследования на основе открытых источников² была создана база данных. В ней для описания боевых действий на территории Афганистана авторы зафиксировали несколько типов событий: 1) атаки против сил коалиции; 2) атаки повстанцев против мирного населения; 3) атаки повстанцев против должностных лиц; 4) операции коалиционных и афганских сил. Таким образом, была сформирована матрица размерностью 4854 на 26, в которой первое число – количество наблюдений по дням, второе – суммарное число ежедневно фиксируемых характеристик. В основу логики сбора количественных данных, а также выбора критериев для построения таблицы была положена статья отечественного специалиста И.Н. Тимофеева, в которой выдвинута гипотеза о нелинейном характере конфликта в Исламской Республике Афганистан [Тимофеев 2011]. Эксперт отметил, что противоборствующие силы имеют разные военные потенциалы и ресурсную базу, используют различные тактики ведения боя, преследуют разнонаправленные цели.

Для уточнения и категоризации целей атак талибов, средств и методов их осуществления, ответных действий со стороны западной коалиции и афганских сил безопасности, а также географической

² В работе используются следующие электронные ресурсы: <http://www.afghanistan.ru>; <http://www.icasualties.org>; <http://www.tatista.com>; <http://www.start.umd.edu/gtd/>

принадлежности атак была построена упомянутая выше таблица *Excel*³. В дальнейшем показатели были скорректированы авторами и заполнены данными на период с января 2009 по декабрь 2016 года. В соответствии с методологией ООН провинции Афганистана были сгруппированы по семи регионам: Столичный, Центральный, Восточной, Северо-Восточный, Северный, Южный, Западный⁴.

Поскольку конфликт в Афганистане представляет собой яркий пример асимметрии враждующих сторон, его участники прикладывают разный объём усилий к тому, чтобы изменить текущее положение дел в свою пользу. Зависимость от соотношения между затраченными ресурсами и полученными результатами может позволить определить степень эффективности при достижении поставленной задачи. Для анализа этого показателя для западной коалиции (прежде всего США) в ИРА, а также выявления иных закономерностей и тенденций развития военно-политической обстановки в Афганистане был применён *многомерный статистический (регрессионный) анализ*. Он дополняет другие классические методики исследования, так как позволяет смоделировать текущие процессы. Нередко в прикладных исследованиях возникают вопросы о наличии или отсутствии связи между различными характеристиками параллельно протекающих процессов. Эконометрические методы позволяют решить подобные исследовательские задачи.

Многомерный статистический анализ – совокупность строгих формализованных процедур работы с числовыми базами данных, которая позволяет ответить на вопрос о наличии тренда (траектории развития)⁵. Для работы с описанной базой данных количественные характеристики были кодифицированы следующим образом:

– *Att (attacks)* – временной ряд, характеризующий суммарное число атак повстанцев на территории всей ИРА для моделей временных рядов или на территории каждого из 7 регионов Афганистана для панельных моделей;

– *Ops (operations)* – временной ряд, характеризующий суммарное число контртеррористических действий, включая спецоперации, аресты, обстрелы, авиаудары, самоподрывы, на территории всей ИРА для моделей временных рядов или на территории каждого из 7 регионов Афганистана для панельных моделей;

– *Ftl (fatalities)* – временной ряд, характеризующий суммарное число жертв атак повстанцев, включая гражданское население, иностранных военных, сотрудников сил правопорядка и солдат армии, на территории всей ИРА для моделей временных рядов или на территории каждого из 7 регионов Афганистана для панельных моделей;

– *T_kld (terrorists_killed)* – временной ряд, характеризующий суммарное число уничтоженных повстанцев движения Талибан на территории всей ИРА для моделей временных рядов или на территории каждого из 7 регионов Афганистана для панельных моделей;

– *US* – временной ряд, характеризующий суммарное число военных США на территории всей ИРА в тысячах человек;

– *Others* – временной ряд, характеризующий суммарное число военных других стран–участниц коалиции на территории всей ИРА в тысячах человек;

– *Cult (cultivation area)* – временной ряд, характеризующий суммарную площадь территории, на которой выращивается опиумный мак, во всей стране для моделей временных рядов или на территории каждого из 7 регионов Афганистана для панельных моделей.

³ Исследовательская база данных по военной обстановке на территории Афганистана была подготовлена в рамках гранта РФГФ №15-37-01207 и по итогам выполнения проекта передана в Фонд.

⁴ Afghanistan Opium Survey 2016 Cultivation and Production. UNODC. 65 p. URL: https://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghanistan_opium_survey_2016_cultivation_production.pdf

⁵ Процедуры включают в том числе векторную авторегрессию, панельные модели с фиксированными и случайными эффектами, динамические панельные модели.

Теоретико-игровой инструментарий используется в исследовании в качестве методики, позволяющей описывать стратегический выбор участников конфликта, а также возможные исходы взаимодействия противников в терминах формального моделирования.

Э

Операция США и коалиционных сил в Афганистане, начатая в 2001 году, предстаёт типовым примером военной кампании, проходящей в условиях ярко выраженного асимметричного конфликта. Осознавая ограниченную эффективность военной стратегии Дж. Буша, пришедшая к власти в 2009 г. администрация Б. Обамы планировала кардинально переосмыслить подходы к решению проблемы борьбы с терроризмом, в частности на территории ИРА, фактически сохранив данное направление внешней политики в качестве одного из приоритетных.

В этой связи в 2009 г. была принята стратегия по Афганистану и Пакистану (AFPAK Strategy) [Арунова 2011]. Подход новой администрации во многом носил концептуальный характер, предполагая имплементацию комплекса мер по стабилизации ситуации. В него входили как постепенное снижение численности войск и передача ответственности за военную обстановку афганским силам безопасности, так и проведение единой скоординированной политики в отношении Афганистана и Пакистана, отказ от «крестового похода» против террористов до полного уничтожения [Сергеев 2011]. Помимо того, стратегия Б. Обамы предполагала использование «мягкой силы» и дипломатии, возможность проведения переговоров с талибами и активное государство-строительство за счёт укрепления экономики и улучшения социальной сферы, что способствовало бы нормализации военно-политической обстановки в Афганистане.

Тем не менее реализация новой масштабной стратегии, вкупе с опорой на сило-

вое решение афганского кризиса, не привели к ожидаемым результатам [Сафранчук 2017]. К началу 2015 г. был существенно – до 10 тыс. человек – уменьшен контингент военнослужащих США в Афганистане. Его главной целью стала не непосредственная борьба с ИГ, а содействие подготовке афганских вооружённых сил. Понизив непосредственное военное присутствие Соединённых Штатов в ИРА, американская администрация тем самым несколько отстранилась от стабилизации ситуации в стране. В то же время снижение вовлечённости американских военных в столкновения с боевиками было компенсировано серьёзным наращиванием числа авиаударов, от которых гибли как террористы, так и мирные жители⁶. Несмотря на затраченные средства и время на подготовку, афганским вооружённым силам также не удалось превратиться в серьёзную боевую силу. По свидетельству независимых аналитиков, после вывода основного контингента зарубежных союзников они столкнулись с проблемой рекрутирования и слабостью офицерского состава, логистическими трудностями, ограниченными возможностями для перевооружения [Giustozzi, Ali 2016: 3–15]. По оценкам экспертов, на 2017 г. талибы контролировали порядка 70% территории ИРА [Батюк 2017]. Уход международного контингента способствовал укреплению позиций ИГИЛ в Афганистане.

Дональд Трамп стал третьим президентом США, на чьи плечи легла задача достижения победы в самой долгой в истории Соединённых Штатов войне. Как сообщало издание *Foreign Policy*, новая администрация Белого дома выбирала между тремя вариантами действий. Первая опция, в пользу которой выступал помощник президента по национальной безопасности Герберт Макмастер, предполагала отправку дополнительно 3,8 тыс. солдат и продолжение участия в укреплении официального правительства в Кабуле. Поддержали план командующий силами США и НАТО

⁶ The Bureau of Investigative Journalism. Drone wars the full data. 2017. URL: <https://www.thebureauinvestigates.com/stories/2017-01-01/drone-wars-the-full-data>

в Афганистане генерал Джон Николсон и глава Центрального командования вооружённых сил США генерал Джозеф Вогел. При реализации второго сценария рассматривалась возможность отправки в страну сил частных военных компаний (ЧВК) вместо обычного контингента⁷ [Субботин 2017]. В круг их задач входило бы консультирование афганских сил безопасности и оказание им необходимой поддержки. Такую опцию, в частности, поддерживал создатель военной компании *Blackwater* Эрик Принс. Наконец, третий вариант заключался в полном выводе американского контингента из Афганистана. Как утверждает издание *Politico*, именно к нему склонялся сам Д. Трамп в начале дискуссий со своими советниками.

На практике смена руководства в Вашингтоне не привела к кардинальному пересмотру стратегии США в Афганистане. В публичных выступлениях Д. Трамп подтвердил, что вывода американских войск из Афганистана в ближайшее время ждать не стоит. Более того, стало известно, что контингент будет усилен за счёт направления дополнительно порядка 4 тыс. солдат, что свидетельствует о готовности Соединённых Штатов продолжать находиться в стране⁸. По заявлению президента, США планировали перейти от временных ориентиров в проведении военной кампании к действиям по обстоятельствам на театре войны. При этом акценты в новом плане были расставлены иначе. «Мы больше не занимаемся государственностроительством, — заявил Д. Трамп. — Мы уничтожаем террористов и победим в этой войне». Именно неизбеж-

ность возмездия, по мнению американского лидера, могла заставить Талибан перейти к политическому урегулированию⁹. Стоит отметить и заявление президента о значительном расширении полномочий американских сил в ИРА для повышения результативности боевых действий.

В этом контексте примечательно, что ещё в сентябре 2014 г. новый президент Афганистана Ашраф Гани подписал соглашение о юридической неприкосновенности сохраняющихся в его стране зарубежных контингентов. 30 сентября были заключены два документа, которые закрепили в правовом плане новый формат партнёрства Кабула с США и НАТО: соглашение о сотрудничестве в области обороны и безопасности между Соединёнными Штатами и ИРА и соглашение о статусе сил НАТО в республике¹⁰. Согласно им, Вашингтон получил право продлить военное присутствие в регионе с 2015 до 2024 года.

Фактическая неприкосновенность военного персонала и прописанное в статье 2 (п. 4) право продолжать ведение боевых операций «против Аль-Каиды» без официальных ограничений позволяет вооружённым силам США достаточно свободно действовать в ИРА. В этой связи можно предположить, что военно-силовой аспект обновлённой стратегии Д. Трампа смещается в сторону от проведения ширококомасштабных операций, требующих больших затрат и которые вероятнее попадут в фокус СМИ, к более точечным и засекреченным спецоперациям разной интенсивности, инициируемым в зависимости от боевой

⁷ Субботин И. Россия не одобрит наёмников США в Афганистане // Независимая газета. 10.08.2017. URL: http://www.ng.ru/world/2017-08-10/1_7048_afgan.html

⁸ Mr. Trump on Afghanistan: More of the Same; No End in Sight // New York Times. 22.08.2017. URL: https://www.nytimes.com/2017/08/22/opinion/trump-on-afghanistan-more-of-the-same-no-end-in-sight.html?_r=0

⁹ Trump Outlines New Afghanistan War Strategy With Few Details // New York Times. 21.08.2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/08/21/world/asia/afghanistan-troops-trump.html>

¹⁰ Security and Defense Cooperation Agreement Between The United States of America and The Islamic Republic of Afghanistan. September, 30. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/244487.pdf> ; Agreement between the North Atlantic Treaty Organization and the Islamic Republic of Afghanistan on the Status of NATO Forces and NATO personnel conducting mutually agreed NATO-led activities in Afghanistan. September, 30. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_116072.htm?selectedLocale=en

обстановки. В речи, посвящённой новой стратегии, американский президент указал на важность укрепления регионального сотрудничества (в первую очередь с Индией и Пакистаном) для взаимодействия по линии спецслужб, а также для перераспределения части издержек кампании США в Афганистане¹¹.

Настоящая статья базируется на допущении, что выявление закономерностей между ключевыми характеристиками стратегии предыдущей администрации и эволюцией военно-политической обстановки позволит смоделировать дальнейшее развитие ситуации в ИРА с учётом последующих действий игроков. Проверка гипотезы о наличии или отсутствии двунаправленной причинно-следственной связи осуществляется путём исследования модели векторной авторегрессии, где зависимыми переменными выступают: ежемесячное суммарное количество террористических атак – Att , осуществлённых движением Талибан, на территории Афганистана в период с января 2009 по декабрь 2016, а также ежемесячное число контртеррористических действий США и их союзников – Ops на территории ИРА за аналогичный период. Корреляция временных рядов равна 0,38, что, вопреки ожиданиям, свидетельствует о положительной связи переменных. Временной ряд переменной Ops не стационарен, другими словами, существует статистический тренд (осуществим переход к первым разностям переменных – d). Проблема взаимообусловленности в моделях 1–4 решается посредством добавления временных лагов (табл. 1).

В результате моделирования не было выявлено устойчивой взаимообусловленности, так как тест Грейнджера об отсутствии причинно-следственной связи показывает различные результаты для моделей с разным числом лагов. Например, для моделей с одним лагом (см. 4.1–4.2) с наименьшим значением критерия Шварца, взаимообус-

ловленности не наблюдается. Фактически изменение интенсивности контртеррористических действий, предпринимаемых США и международной коалицией ежемесячно, не становится определяющим показателем для изменения числа терактов, осуществляемых талибами (см. модели 1–4).

Подобное положение может обосновываться рядом обстоятельств, в том числе тем, что рейды, захваты и даже авиаудары коалиции нередко оказываются ошибочными или безрезультатными [Тетерюк, Чижевский 2016: 191]. В свою очередь, переменная, характеризующая прирост числа терактов, не оказывает влияния на повышение активности коалиции на 99% доверительном интервале (см. модели 1–4). Качество модели весьма низкое, о чём свидетельствует исправленное значение R^2 . Альтернативными характеристиками активности боевиков и контртеррористических сил могут быть, с одной стороны, число жертв терактов – Ftl , с другой – число ликвидированных боевиков – T_kld (см. модели 5–8).

Как и в предыдущем случае, результаты теста Грейнджера об отсутствии причинно-следственной связи разнятся в зависимости от количества лагов входящих переменных. Однако влияние числа уничтоженных талибов на число их жертв в последующих периодах (см. модели 5.1–7.1), а также влияние числа осуществляемых терактов на территории Афганистана на количество операций коалиции (см. модели 1.1–3.1) заслуживают дальнейшего рассмотрения. В этой связи от общих для всей территории ИРА временных рядов перейдем к панельным данным, характеризующим изменение военной обстановки в семи регионах Афганистана, выделенных в соответствии с методологией ООН.

4

Здравый смысл подсказывает, что число жертв террористических атак должно находиться в положительной зависимости от

¹¹ Remarks by President Trump on the Strategy in Afghanistan and South Asia. August, 2011. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-strategy-afghanistan-south-asia/>

Таблица 1
Модели 1–4 векторной авторегрессии

Зависимая переменная d_Ops

Робастные оценки стандартных ошибок (с поправкой на гетероскедастичность)

Регрессоры	Модель 1.1	Модель 2.1	Модель 3.1	Модель 4.1
Const	0,13 (-1,32)	0,29 (0,62)	0,30 (0,63)	0,2 (0,67)
d_Ops_1	-0,52 *** (-0,11)	-0,54 *** (0,11)	-0,60 *** (0,11)	-0,42 *** (0,10)
d_Ops_2	-0,25 ** (0,11)	-0,25 ** (0,11)	-0,34 *** (0,11)	
d_Ops_3	0,09 (0,13)	0,11 (0,1)		
d_Ops_4	-0,03 (0,10)			
d_Att_1	0,04 * (0,02)	0,04 * (1,74)	0,04 (0,02)	0,03 (0,03)
d_Att_2	0,04 ** (0,02)	0,04 * (1,96)	0,05 ** (0,02)	
d_Att_3	-0,03 (0,02)	-0,03 (-1,2)		
d_Att_4	0,02 (0,02)			
Time	0,00 (0,02)			
Испр. R ²	0,27	0,29	0,26	0,18
Крит. Шварца	16,89	16,61	16,46	16,42
Все лаги d_Att	F(4,82)=2,33	F(3,85)=2,67	F(2,88)=3,16	F(1,91)=1,20

Зависимая переменная d_Att

Регрессоры	Модель 1.2	Модель 2.2	Модель 3.2	Модель 4.2
Const	3,13 (5,80)	1,31 (2,92)	1,3 (2,94)	1,1 (2,93)
d_Ops_1	0,25 (0,40)	0,08 (0,40)	-0,2 (0,34)	-0,03 (0,34)
d_Ops_2	-0,25 (0,49)	-0,06 (0,46)	-0,5 (0,04)	
d_Ops_3	0,02 (0,58)	0,47 (0,45)		
d_Ops_4	-0,82 (0,49)			
d_Att_1	-0,18 * (0,10)	-0,21 * (0,12)	-0,21 * (0,12)	-0,2 * (0,12)
d_Att_2	-0,11 (0,11)	-0,10 (0,12)	-0,07 (0,12)	
d_Att_3	-0,17 (0,11)	-0,17 (0,11)		
d_Att_4	0,08 (0,11)			
Time	-0,03 (0,10)			
Испр. R ²	0,02	0,03	0,01	0,02
Крит. Шварца	16,89	16,61	16,46	16,42
Все лаги d_Ops	F(4,82)=1,61	F(3,85)=0,64	F(2,88)=1,02	F(1,91)=0,01

Таблица 2
Модели 5–8 векторной авторегрессии

Зависимая переменная d_Ftl

Робастные оценки стандартных ошибок (с поправкой на гетероскедастичность)

Регрессоры	Модель 5.1	Модель 6.1	Модель 7.1	Модель 8.1
Const	13,19 (20,30)	3,06 (12,51)	2,65 (12,58)	3,12 (13,72)
d_Ftl_1	-0,43 *** (0,13)	-0,42 *** (0,13)	-0,31 *** (0,12)	-0,23 ** (0,10)
d_Ftl_2	-0,36 (0,23)	-0,36 (0,22)	-0,23 (0,21)	
d_Ftl_3	-0,31 *** (0,11)	-0,31 *** (0,15)		
d_Ftl_4	-0,03 (0,12)			
d_T_kld_1	0,21 *** (0,07)	0,20 *** (0,08)	0,14 * (0,07)	0,04 (0,07)
d_T_kld_2	0,32 ** (0,07)	0,32 ** (0,15)	0,18 * (0,11)	
d_T_kld_3	0,15 (0,12)	0,15 (0,11)		
d_T_kld_4	-0,03 (0,11)			
Time	-0,20 (0,52)			
Испр. R ²	0,12	0,14	0,09	0,03
Крит. Шварца	26,45	26,20	26,08	26,08
Все лаги d_T_kld	F(4,82)=2,69	F(3,85)=3,36	F(2,88)=2,93	F(1,91)=0,42

Зависимая переменная d_T_kld

Регрессоры	Модель 5.2	Модель 6.2	Модель 7.2	Модель 8.2
Const	-1,50 (29,69)	7,37 (18,46)	7,31 (18,00)	5,00 (18,80)
d_Ftl_1	0,46 * (0,26)	0,42 * (0,24)	0,42 ** (0,21)	0,36 * (0,20)
d_Ftl_2	0,22 (0,25)	0,12 (0,24)	0,12 (0,22)	
d_Ftl_3	0,10 (-0,28)	0,02 (0,25)		
d_Ftl_4	-0,04 (0,16)			
d_T_kld_1	-0,49 *** (0,10)	-0,49 *** (0,10)	-0,49 *** (0,10)	-0,38 *** (0,12)
d_T_kld_2	-0,34 (0,21)	-0,26 (0,19)	-0,26 (0,16)	
d_T_kld_3	-0,11 (0,22)	0,00 (0,14)		
d_T_kld_4	-0,25 (0,17)			
Time	-0,20 (0,79)			
Испр. R ²	0,18	0,16	0,18	0,15
Крит. Шварца	26,45	26,20	26,08	26,08
Все лаги d_Ftl	F(4,82)=1,21	F(3,85)=1,70	F(2,88)=2,17	F(1,91)=3,55

общего числа атак в текущем периоде. Согласно моделям 5–8, количество жертв террористических атак положительно связано с числом уничтоженных террористов (корреляция переменных для временных рядов составляет 0,79; корреляция для панельных данных – 0,53). Проверим данную гипотезу, построив панельные модели

(9.1–9.4) с фиксированными¹² и случайными¹³ эффектами (для каждого региона помесячно с января 2009 по декабрь 2016 года: зависимая переменная FtI; независимые переменные Att; T_kld; US; Others; Cult). Для проверки устойчивости выводов также построим модели для первых разностей переменных – d_ (10.1 – 10.4).

Таблица 3
Модель 9 с фиксированными и случайными эффектами

Зависимая переменная FtI

Регрессоры	фикс. эффекты Модель 9.1	фикс. эффекты Модель 9.2	случ. эффекты Модель 9.3	случ. эффекты Модель 9.4
Const	19,71 *** (6,27)	9,75 ** (4,17)	10,84 ** (4,66)	9,26 ** (4,54)
Att	2,54 *** (0,14)	2,53 *** (0,13)	2,50 *** (0,13)	2,56 *** (0,12)
T_kld	0,15 *** (0,02)	0,15 *** (0,02)	0,14 *** (0,01)	0,15 *** (0,02)
US	0,19 * (0,11)		0,18 * (0,11)	
Others	-0,86 *** (0,27)	-0,35 *** (0,10)	-0,77 *** (0,26)	-0,34 *** (0,10)
Cult	-0,27 * (0,16)		0,04 -0,06	
R ² в пределах	0,57	0,57		
p-значение	0,00	0,00	0,14	0,59

Зависимая переменная d_FtI

Регрессоры	фикс. эффекты Модель 10.1	фикс. эффекты Модель 10.2	случ. эффекты Модель 10.3	случ. эффекты Модель 10.4
Const	-0,74 (8,10)	-0,11 (1,58)	-0,07 (3,75)	-0,11 (1,57)
d_Att	2,90 *** -0,20	2,90 *** (0,20)	2,90 *** (0,20)	2,90 *** (0,20)
d_T_kld	0,11 *** (0,02)	0,11 *** (0,02)	0,11 *** (0,02)	0,11 *** (0,02)
US	0,02 (0,15)		0,02 (0,36)	
Others	0,03 (0,38)		-0,04 (0,36)	
Cult	0,02 (0,22)		0,00 (0,03)	
R ² в пределах	0,29	0,29		
p-значение	1,00	1,00	0,99	1,00

¹² Панельные модели с фиксированными эффектами позволяют учитывать неизмеримые индивидуальные различия объектов (эффекты), которые при оценивании исключаются из модели. Например, количество ячеек боевиков в том или ином регионе.

¹³ Панельные модели со случайными эффектами позволяют учитывать неизмеримые индивидуальные различия объектов (эффекты), которые имеют случайный характер.

Важным наблюдением является то, что в панельных моделях со случайными эффектами и с фиксированными эффектами, построенных и для самих переменных, и для их первых разностей: число уничтоженных талибов, *во-первых*, является значимой экзогенной переменной для числа жертв террористических атак, а *во-вторых*, вопреки распространённому мнению, положительно связано с количеством жертв. Другими словами, уничтожение боевиков силами коалиции в Афганистане ведёт к росту числа жертв терактов, осуществляемых движением Талибан.

Другое важное наблюдение — численность войск США на территории Афганистана не оказывается определяющим фактором для числа жертв террористических атак (см. модели 9–10). При этом численность войск других стран оказывается значимой для этого показателя и отрицательно связана с ним (см. модели 9.1–9.4). В декабре 2014 г. руководство НАТО официально завершило военную операцию в Афганистане: основные контингенты, боевая техника и оборудование были поэтапно выведены из страны. Как отмечалось в Стратегии национальной безопасности, утверждённой президентом США Б. Обамой в феврале 2015 года: «в Афганистане мы завершили свою боевую миссию и серьёзно сократили численность нашей группировки, которая теперь сосредоточилась на работе по формированию суверенного и стабильного партнёра в лице афганского государства, где не будет безопасных убежищ для международных террористов»¹⁴.

С 1 января 2015 г. на территории ИРА осуществляется учебно-тренировочная миссия НАТО «Решительная поддержка», которая включает в себя подготовку кадров для афганской полиции и армии, финансовую поддержку, развитие партнёрских отношений с Афганистаном [Шапиро 2017:

19]. Многие эксперты и исследователи связывают ухудшение военно-политической обстановки с сокращением иностранного военного контингента на территории ИРА. Однако согласно статистическим данным, последний процесс не был определяющим фактором роста жертв террористических атак в период правления Б. Обамы. Тем не менее корреляция показателей жертв терактов и численности войск США на территории Афганистана $-0,38$; для численности контингентов других стран $-0,45$.

В то время как число иностранных военнослужащих снижается начиная с 2011 года, суммарное количество осуществляемых оставшимися силами арестов, рейдов, авиаударов, наземных спецопераций растёт в пересчёте на 1000 иностранных солдат в стране (рис. 2).

Осенью 2014 г. на фоне закрепления ИГИЛ в Ираке Б. Обама подписал указ, расширявший функции американских вооружённых сил в рамках новой миссии «Страж свободы». Военные получили право участвовать в боевых действиях на территории Афганистана в целях самообороны, защиты иностранных контингентов и содействия афганским силам. Кроме того, были санкционированы боевые вылеты американских истребителей, бомбардировщиков, беспилотных летательных аппаратов¹⁵.

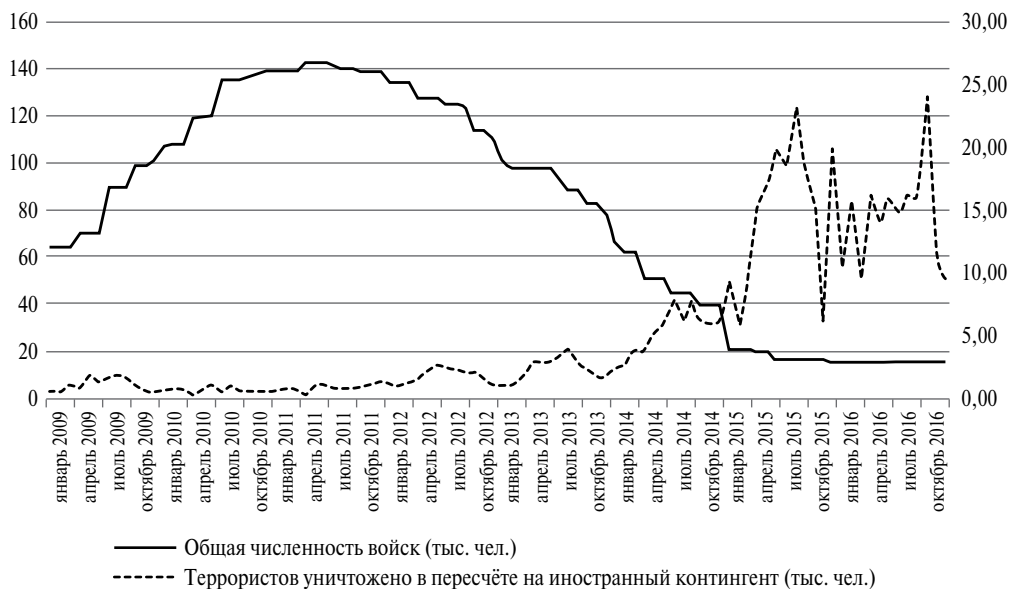
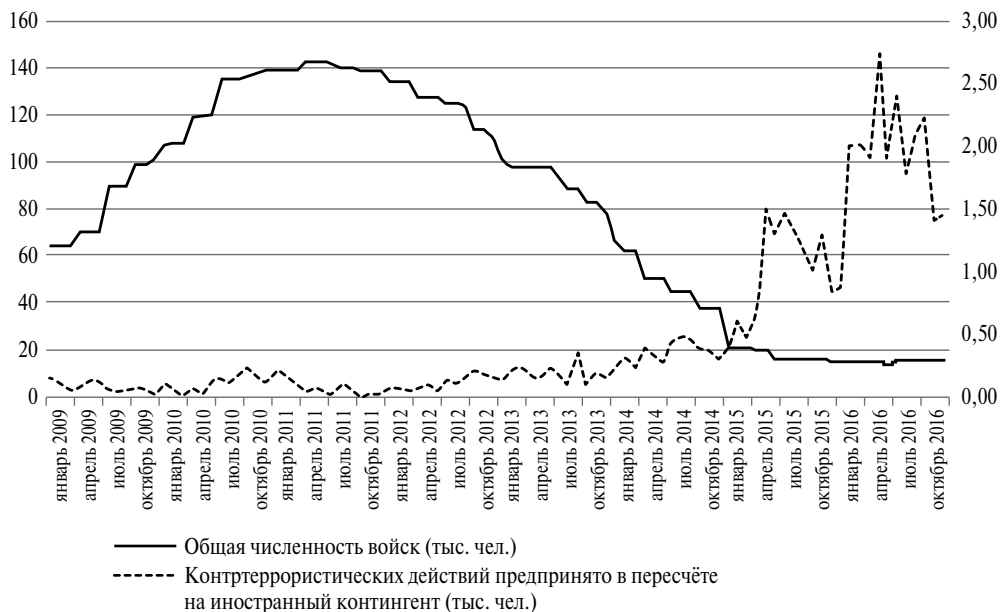
В феврале 2015 г. «Нью-Йорк таймс» опубликовала со ссылкой на анонимные источники в руководстве Соединённых Штатов и Афганистана свидетельства резкого усиления контртеррористических действий войск США. «Темп спецопераций беспрецедентно высок для этого времени года», — приводит издание высокопоставленного американского чиновника. По заявлению бывшего сотрудника военного ведомства Афганистана, «контртеррористические действия США предпринима-

¹⁴ National Security Strategy. The White House. February, 2015. P.9. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf

¹⁵ Mazzetti M., Schmitt E. In a Shift, Obama Extends U.S. Role in Afghan Combat // New York Times. 22.11.2014. URL: <https://www.nytimes.com/2014/11/22/us/politics/in-secret-obama-extends-us-role-in-afghan-combat.html>

Рисунок 2

Повышение интенсивности контртеррористических действий силами США и коалиции в пересчёте на численность войск на территориях каждого из регионов Афганистана

Источник: составлено авторами.

ются под покровом ночи. Официально для американцев война закончена... Теперь продолжается лишь секретная война... Но предпринимаемые действия очень внушительны»¹⁶. Тогда же стало известно об отмене президентом ИРА А. Гани запрета на проведение ночных рейдов с участием американских военных и на оказание поддержки ВВС Соединённых Штатов афганским силам.

Решения администрации Б. Обамы принимались под давлением сторонников различных точек зрения относительно необходимого числа войск на территории Афганистана и их полномочий. Американского лидера также критиковали за несоответствие заявленным целям достигнутых результатов, в том числе за невыполнение предвыборных обещаний, а также за увеличение дистанции между публичными заявлениями Вашингтона и реальными действиями его военных в ИРА. Тем не менее нельзя однозначно сказать, стали ли фактические удары талибов причиной усиления контртеррористических действий после 2015 года, или администрация предпринимала отчаянные попытки стабилизации ситуации в преддверии предстоящих выборов президента в Соединённых Штатах.

В этой связи проверим гипотезу о влиянии количества террористических актов, осуществлённых в прошлые месяцы ($t-1$, $t-2$, $t-3$) за период 2009 – 2016 годов на территории каждого из регионов Афганистана, на предпринимаемые силами коалиции контртеррористические действия в рассматриваемом месяце (t). Построим динамическую панельную модель¹⁷ зависимости прироста количества контртеррористических действий от внутренней динамики показателя и изменения числа атак талибов (см. модели 11.1–11.4).

Таблица 4
Модель 11 динамическая панельная

Зависимая переменная d_Ops	Регрессоры	
	Модель 11.1	Модель 11.2
Const	0,00 (0,00)	0,00 (0,00)
d_Ops_1	-0,81 (0,05)	-0,81 (0,06)
d_Ops_2	-0,52 (0,10)	-0,52 (0,10)
d_Ops_3	-0,26 (0,08)	-0,26 (0,08)
d_Ops_4	-0,09 (0,03)	-0,09 (0,03)
d_Att_1	0,01 (0,01)	
d_Att_2	0,02 (0,01)	**
d_Att_3	0,01 (0,01)	
d_Att_4	0,00 (0,01)	
Сумма кв. остатков	5132,65	5155,14

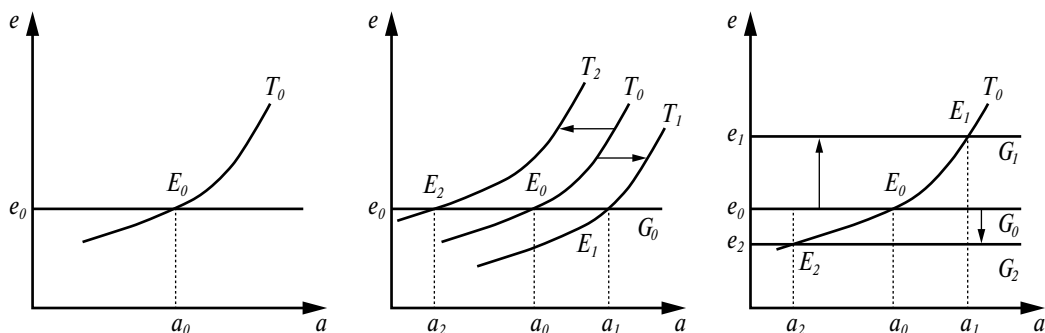
Сравнение длинной (11.1) и короткой регрессии (11.2) позволяет отвергнуть гипотезу о предопределённости увеличения интенсивности контртеррористических действий повышением активности талибов. Согласно полученным результатам, указания к действию США и союзники действительно получали из Белого дома. В данном контексте критика Д. Трампа в адрес своего предшественника звучит справедливо: «Нельзя выиграть битву, отдавая микро-приказы из Вашингтона. Битву могут выиграть только боевые командиры, принимающие решения на основе своих собственных знаний и опыта, солдаты на линии фронта, действующие в реальном времени, с единственной миссией уничтожить противника»¹⁸.

¹⁶ Rosenberg S., Schmitt E. U.S. Is Escalating a Secretive War in Afghanistan // New York Times. 13.02. 2015. URL: <https://www.nytimes.com/2015/02/13/world/asia/data-from-seized-computer-fuels-a-surge-in-us-raids-on-al-qaeda.html>

¹⁷ Динамические панельные модели позволяют оценить значимость лагов зависимой переменной показателей наряду с экзогенными переменными для панельных данных.

¹⁸ In Afghanistan, Donald Trump has bowed to the advice of his generals // The Economist. August, 2017. URL: <https://www.economist.com/news/asia/21727113-their-suggestions-include-good-ones-afghanistan-donald-trump-has-bowed-advice-his>

Рисунок 3
Функциональные зависимости террористической активности и контртеррористических действий на территории Афганистана (январь 2009 г. – декабрь 2016 г.)

Источник: составлено авторами.

Таким образом, как было продемонстрировано на примере войны в Афганистане в 2009–2016 годах, предпосылки обсуждавшейся ранее теоретико-игровой модели Гайбуллоева, Пиатца, Сандлера не выполняются в условиях асимметричного конфликта, так как функциональные зависимости диверсионно-террористических действий и контртеррористических мероприятий имеют иной вид.

График функции, характеризующей контртеррористические действия США и коалиции в Афганистане при правлении Б. Обамы, в описанных ранее координатах проходит параллельно оси абсцисс, то есть значения функции не зависят от террористических действий (рис. 3). Одной из возможных интерпретаций этого заключения является то, что Соединённые Штаты и их союзники с 2009 по 2016 год ориентировались на долгосрочные цели и следовали одобренным в Вашингтоне планам действий, тогда как проявления террористической активности в конкретный момент времени в отдельном регионе не имели определяющего значения для проведения контртеррористических мероприятий. Именно об этом в своём критическом выступлении

говорил Д. Трамп, называя стратегической ошибкой предшественников преждевременное очерчивание временных границ военной кампании¹⁹.

Как видно из третьего графика (см. рис. 3), при положительном наклоне кривой функции террористической активности сдвиг показателя контртеррористических действий вверх ($G_0 \rightarrow G_1$) приводит к ухудшению обстановки: интенсификации террористических действий ($a_0 \rightarrow a_1$). Другими словами, военные действия, направленные на борьбу с террористической угрозой на территории ИРА, лишь усугубляют ситуацию, вызывая ответные действия боевиков. Конфликт в Афганистане в терминах нелинейной парадигмы – это сложная система, в которой действует принцип положительной обратной связи. Свойством такой системы выступает мультифинальность, когда одни и те же начальные условия и контекст среды могут приводить к совершенно различным результатам и поведению [Арзуманян 2011: 47]. Это в очередной раз свидетельствует о невысокой эффективности дескриптивных исследований современных конфликтов в целях построения прогнозов развития военно-политической обстановки.

¹⁹ Remarks by President Trump on the Strategy in Afghanistan and South Asia. August, 2011. URL <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-strategy-afghanistan-south-asia/>

* * *

В рамках настоящей работы был проведён критический разбор классической модели взаимодействия сторон на театре военных действий в условиях асимметричного военно-политического конфликта на примере боевых операций, проводимых в Афганистане с января 2009 по декабрь 2016 года силами США и международной коалиции. В ходе исследования было выявлено, что интенсификация контртеррористических действий на территории ИРА в течение рассматриваемого периода не приводила к снижению террористической активности боевиков. В то же время активизация контртеррористических действий на территории каждого из регионов Афганистана в 2009 – 2016 годах не была вызвана ростом числа терактов.

Авторы статьи предлагают собственную модель, описывающую функции террористических и контртеррористических действий в условиях нелинейного асимметричного конфликта. Она соответствует выявленным функциональным связям. *Во-пер-*

вых, количество жертв террористических атак движения Талибан в обозначенный период во всех семи регионах страны растёт с числом уничтоженных коалицией террористов. Если предположить, что США в Афганистане преследуют цель прекращения войны, то решение нынешней администрации отказаться от комплексных мер по урегулированию ситуации и сделать акцент исключительно на истреблении талибов представляется, как минимум, спорным. По статистике, такая тактика в конечном счёте приводит к росту числа жертв терактов. *Во-вторых*, отказ администрации от заранее определённых ориентиров вывода войск в пользу решений ad hoc в зависимости от изменения обстановки на театре военных действий в русле нелинейной парадигмы видится единственно верным для США. Возможно, именно администрации Д. Трампа удастся осуществить реальный сдвиг военной стратегии Соединённых Штатов в сторону эффективных мер по противодействию нелинейной угрозе в лице международного терроризма.

Список литературы

- Арзуманян Р.В. Сложное мышление и сеть: парадигма нелинейности и среда безопасности 21 века. – Ереван.: НОФ «Нораванк», 2011. 496 с.
- Арунова М.Р. Модификация стратегических задач США в Афганистане (2001–2010 гг.) // Новостной портал «Afghanistan.ru». 2013. URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/19303.html>
- Батюк В. Новая стратегия США в Афганистане. Российский Совет по международным делам. Сентябрь, 2017. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-strategiya-ssha-v-afganistane/>
- Боришполец К.П. Методы политических исследований. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2010. 230 с.
- Бужинский Е. Приоритеты развития беспилотников: от военного дела к экономике // Индекс безопасности. 2014. Т. 19. № 3(106). С. 123–132.
- Веселовский С. Войны будущего. Российский Совет по международным делам. Январь, 2013. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/voyny-budushchego/>
- Дериглазова Л.В. Парадокс асимметрии в международном конфликте // Международные процессы. 2005. Т. 3. Номер 3(9). Сентябрь–декабрь.
- Казанцев А.А., Медведева С.М. Ключевые факторы развития угрозы международного терроризма в Центральной Азии и Афганистане // 25 лет внешней политике России: Сб. материалов X Конвента РАМИ: В 5 т. М.: МГИМО, 2017. С. 124–135.
- Казанцев А.А. Пять сценариев будущих границ Центральной Азии. МГИМО. Апрель, 2013. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document237553.phtml>
- Казанцев А.А. Политика России в Центральной Азии после вывода войск из Афганистана. Afghanistan.ru. 2012. URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/52681.html>
- Коргун В.Г. Что после Карзая? // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 1 (40). С. 141–149.
- Мальшева Д.Б. Афганский кризис и постсоветская Центральная Азия // Мировая экономика и международная отношения. 2017. Т. 61. № 8. С. 14–23.
- Нессар О. Политические развилки афганского кризиса // Международная жизнь. 2012. № 3. С. 37–51.

- Подберёзкин А.И., Боришполец К.П.* Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / Под ред. А. И. Подберёзкина, К. П. Боришполец. М.: МГИМО-Университет, 2014. 874 с.
- Подберёзкин А.И.* Современная военная политика России: В 2 т. Т. 1. М.: МГИМО-Университет, 2017. 817 с.
- Сафранчук И.А.* Опыт принятия решений на афганском направлении // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 2(49). С. 89–98.
- Серенко А.Н.* Бадахшанский кризис: Талибан моделирует афганское будущее после 2014 года. Afghanistan.ru. 2013. URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/58331.html>
- Сергеев В.В.* Политика США в Афганистане: военно-политический аспект (2001–2009 гг.): дис. ... канд. ист. наук. 07.00.03 / МГИМО. М., 2011. 213 с.
- Сушенцов А.А.* Очерки политики США в региональных конфликтах 2000-х годов. М.: Издательство МГИМО-Университета, 2013. 272 с.
- Сушенцов А.А.* Малые войны США. Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах. М.: Аспект Пресс, 2014. 272 с.
- Тетерюк А.С., Чижевский Я.А.* Беспилотные летательные аппараты в асимметричных конфликтах // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 2. С. 189–201.
- Тетерюк А.С., Чижевский Я.А.* Центральноеазиатский трек российской внешней политики // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 3–4. С. 103–115.
- Тетерюк А.С., Чижевский Я.А.* Оценка эффективности военного аспекта стратегии НАТО в Афганистане, принятой при Б. Обаме // Сравнительная политика. 2015. Т. 6. №2 (19). С. 110–124.
- Тимофеев И.Н.* Международное сообщество и пределы вмешательства в конфликты «кризисных государств»: казус Афганистана // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 5. С. 27–36.
- Шаклеина Т.А.* Америка в фокусе российских исследователей. История и современность. М.: МГИМО-Университет, 2014. 416 с.
- Шапиро Н.И.* Неоконченная война Б. Обамы // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 2. С. 13–22.
- Чижевский Я.А.* Развитие военно-политического дискурса: представляем неологизмы «асимметричный конфликт» и «гибридная война» // Политическая наука. 2016. № 2. С. 269–283.
- Хрусталёв М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. 232 с.
- Arkin R.C.* The Case for Ethical Autonomy in Unmanned Systems // Journal of Military Ethics. 2010. Vol. 9. Issue 4. P. 332–341.
- Arreguin-Toft I.* How the Weak Win Wars // International Security. Vol. 26. No.1. Summer, 2001. P. 93–128.
- Boed R.* State of Necessity as a Justification for Internationally Wrongful Conduct // Yale Humanitarian Rights and Development Journal. 2000. Vol. 3. Issue 1. 45 p.
- Crevelde M.* The Transformation of War. New York: Free Press, 1991. 272 p.
- Eyal Z.* Logistics in Asymmetric Conflicts // Army Sustainment. 2012. Vol. 44. Issue 1. P. 46–48.
- Gaibulloev K., Piazza J.A., Sandler T.* Regime types and terrorism // International Organization. 2017. Vol. 71. Iss. 3, July. P. 491–522.
- Giustozzi A., Ali M.* The Afghan National Army After ISAF. Report by AREU. 2016. 18 p. URL: <https://areu.org.af/wp-content/uploads/2016/03/1603E-The-Afghan-National-Army-after-ISAF.pdf>
- Gross L.M.* Moral Dilemmas of Modern War: Torture, Assassination, and Blackmail in an Age of Asymmetric Conflict. New York: Cambridge University Press, 2010. 321 p.
- Hopkins M.J.* Regulating the conduct of urban warfare: lessons from contemporary asymmetric armed conflicts // The International Review of the Red Cross. 2010. Vol. 92. No. 878. P. 469–493.
- Katzman K., Thomas C.* Afghanistan: Post-Taliban Governance, Security, and U.S. Policy. Congressional Research Service. 2017. 79 p.
- Kaldor M.* Old and New Wars: Organized Violence in a Global Era. Cambridge: Polity, 2006. 256 p.
- Kenny S.* Instability in Afghanistan: Why Afghanistan matters and what Australia can do to address the causes of instability. Indo-Pacific Strategic Papers. 2016. 31 p.
- Mack A.* Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict // World Politics. 1975. Vol. 27. No. 2. P. 175–200.
- Snyder G., Diesing P.* Conflict among Nations: Bargaining, Decision Making, and System Structure in International Crises. Princeton University Press, 1977. 596 p.
- Stepanova E.* Terrorism in asymmetrical conflicts: Ideological and structural aspects. SIPRI Research Report. No. 23. 2008. 200 p. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/RR/SIPRIRR23.pdf>

GAME-THEORETIC MODELING OF ASYMMETRIC CONFLICTS

THE CASE OF AFGHANISTAN 2009–2016

ALEXEY TETERYUK
YAN CHIZHEVSKY

MGIMO University, Moscow 119454, Russia

Abstract

21st century has seen the USA, NATO and international coalitions participating in politico-military asymmetric conflicts in Afghanistan, Iraq, Libya, and Syria. Military campaign in Afghanistan has already become the longest in the US history. Before leaving the office, the former US president Barack Obama had declared the success of the mission. At the same time, the decrease in a number of foreign troops in Afghanistan is said to have led to the instability in this country. Effectiveness and efficiency of the decisions taken by the previous White House administration are again a subject of the fierce debates amidst the new strategic plan for Afghanistan announced by the new USA president Mr. Trump. The White House has decided to focus on a result, not a timeframe. The mission will be aimed at “killing terrorists”, not at peacekeeping in or development of Afghanistan. The authors of the article try to escape linear paradigm and descriptive method, estimating the efficiency of the military component of the US and ISAF strategy in Afghanistan during Mr. Obama’s presidency (2009–2016) with the use of the game-theory model developed earlier by other scholars. This model describes the relations between terrorist and counterterrorist actions. The model turns out to be inapplicable to the asymmetric conflict, according to the results of the regression analysis of the panel data and time-series, characterizing the politico-military situation in Afghanistan in 2009–2016, and collected by authors through quantitative event-analysis. Surprisingly the function of the terrorist actions in Afghanistan is positively related with the functions of counterterrorist actions, whereas, the functions of counterterrorist actions does not depend on terrorist attacks. As a result, the authors of the article suggest a new game-theory model for the forecasting of the politico-military situation in Afghanistan after 2016 within non-linear paradigm framework.

Keywords:

complex systems theory; nonlinear paradigm; asymmetric conflicts; NATO; US; Taliban; Afghanistan; quantitative methods; game-theory; regression analysis; terrorism.

References

- Arkin R.C. (2010). The Case for Ethical Autonomy in Unmanned Systems. *Journal of Military Ethics*. Vol. 9. Issue 4. P. 332–341.
- Arreguin-Toft I. (2001). How the Weak Win Wars. *International Security*. Vol. 26. No.1. P. 93–128.
- Arzumanyan R.V. (2011). *Slozhnoe myshlenie i set': paradigma nelinejnosti i sreda bezopasnosti 21 veka* [Complex thinking and network: paradigm of nonlinear and environment of security in XXI century]. Er.: NOF «Noravank». 496 p.
- Arunova M.R. (2013). *Modifikacija strategicheskikh zadach SSHA v Afganistane (2001–2010 gg.)*. [Modification of strategic objectives of the USA in Afghanistan (2001–2010)]. «Afghanistan.ru». URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/19303.html>
- Batyuk V. (2017). *Novaja strategija USA v Afganistane* [New strategy of the USA in Afghanistan]. Rossijskij Sovet po Mezhdunarodnym Delam. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-strategiya-ssha-v-afganistane/>
- Boed R. (2000). State of Necessity as a Justification for Internationally Wrongful Conduct. *Yale Humanitarian Rights and Development Journal*. Vol. 3. Issue 1. 45 p.
- Borishpolets K.P. (2010). *Metody politicheskikh issledovanij: Ucheb. posobie dlja studentov vuzov* [Methods of political studies: textbook for students of universities] 2-e izd., ispr. i dop. Aspekt Press. 230 p.

- Buzhinskij E. (2014). Priorityty razvitiya bespilotnikov: ot voennogo dela k jekonomike [Priority of development of UAV: from military affair to economics]. *Indeks Bezopasnosti*. Vol. 19. No. 3(106). P. 123–132.
- Chizhevsky Y.A. (2016). Razvitie voenno-politicheskogo diskursa: predstavljajem neologizmy "asimmetrichnyj konflikt" i "gibridnaja vojna" [Development of military and political discourse: neologisms «asymmetric conflict» and «hybrid warfare»]. *Politicheskaja nauka*. No. 2. P. 269–283.
- Creveld M. (1991). *The Transformation of War*. New York: Free Press. 272 p.
- Deriglazova L.V. (2005). Paradoks asimmetrii v mezhdunarodnom konflikte [Paradox of asymmetry in international conflict]. *Mezhdunarodnye processy*. Vol. 3. No. 3(9).
- Eyal Z. (2012). Logistics in Asymmetric Conflicts. *Army Sustainment*. Vol. 44. Issue 1. P. 46–48.
- Gaibullov K., Piazza J.A., Sandler T. (2017). Regime types and terrorism. *International Organization*. Vol. 71. Issue 3. P. 491–522.
- Giustozzi A., Ali M. (2016). *The Afghan National Army After ISAF*. Report by AREU. 18 p. URL: <https://areu.org.af/wp-content/uploads/2016/03/1603E-The-Afghan-National-Army-after-ISAF.pdf>
- Gross L.M. (2010). *Moral Dilemmas of Modern War: Torture, Assassination, and Blackmail in an Age of Asymmetric Conflict*. New York: Cambridge University Press. 321 p.
- Hopkins M. J. (2010). Regulating the conduct of urban warfare: lessons from contemporary asymmetric armed conflicts. *The International Review of the Red Cross*. Vol. 92. No. 878. June. P. 469–493.
- Khrustalev M.A. (2008). *Analiz mezhdunarodnyh situacij i politicheskaja jekspertiza: ocherki teorij i metodologii* [Analysis of international situations and political expertise: essays on theory and methodology]. M.: NOFMO. 232 p.
- Kaldor M. (2006). *Old and New Wars: Organized Violence in a Global Era*. Cambridge: Polity. 256 p.
- Katzman K., Thomas C. (2017). *Afghanistan: Post-Taliban Governance, Security, and U.S. Policy*. Congressional Research Service. 79 p.
- Kazantsev A.A. (2017). Kljuchevyje faktory razvitiya ugrozy mezhdunarodnogo terrorizma v Central'noj Azii i Afganistane [Key factors of development of a threat of international terrorism in Central Asia and Afghanistan]. *Sbornik materialov X Konventa RAMI: V 5 tomah*. M.: MGIMO. P. 124–135.
- Kazantsev A.A. (2013). *Pjat' scenarijev budushhih granic Central'noj Azii* [Five scenarios of future borders of Central Asia]. MGIMO, April. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document237553.phtml>
- Kazantsev A.A. (2012). *Politika Rossii v Central'noj Azii posle vyvoda vojsk iz Afganistana* [Politics of Russia in Central Asia after withdrawal of forces from Afghanistan]. *Afghanistan.ru*. URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/52681.html>
- Kenny S. (2016). Instability in Afghanistan: Why Afghanistan matters and what Australia can do to address the causes of instability. *Indo-Pacific Strategic Papers*. 31 p.
- Korgun V.G. (2015) Chto posle Karzaja? [What after Karzai?]. *Mezhdunarodnye processy*. Vol. 13. No. 1(40). P. 141–149.
- Mack A. (1975). Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict. *World Politics*. Vol. 27. No. 2. P. 175–200.
- Malysheva D.B. (2017) Afganskij krizis i postsovetskaja Central'naja Azija [Crisis in Afghanistan and post-soviet Central Asia]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 61. No. 8. P. 14–23.
- Nessar O. (2012). Politicheskie razvilki afganskogo krizisa [Political crossings of the Afghanistan crisis]. *Mezhdunarodnaja zhizn'*. No. 3. P. 37–51.
- Podberezkin A.I., Borishpolets K.P. (eds) (2017). *Nekotorye aspekty analiza voenno-politicheskoy obstanovki*. M.: MGIMO-Universitet, 2014. 874 s.
- Podberezkin A.I. (2017). *Sovremennaja voennaya politika Rossii: V 2 t. T. 1*. Moskva: MGIMO-Universitet. 817 s.
- Safranchuk I.A. (2017) Rol' voennoj sily v politike Obamy. Opyt prinjatija reshenij na afganskom napravlenii [Military Force in Obama's policy. The Case of Afghanistan]. *Mezhdunarodnye processy*. Vol. 15. № 2. P. 89–98.
- Serenko A.N. (2013). *Badakhshanskij krizis: Taliban modeliruet afganskoe budushhee posle 2014 goda* [Badakhshan crisis: Taliban shapes the Afghanistan future after 2014]. *Afghanistan.ru*. URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/58331.html>
- Sergeev V.V. (2011). *Politika SShA v Afganistane: voenno-politicheskij aspekt (2001–2009 gg.)* [Policy of the USA in Afghanistan: military and political aspect (2001–2009)]. Research paper. M.: MGIMO. 213 p.
- Shakleina T.A. (ed.) (2014). *Amerika v fokuse rossijskih issledovatelej. Istorija i sovremennost'* [America in the focus of Russian researchers. History and modernity]. M.: MGIMO. 416 p.
- Shapiro N.I. (2017). Neokonchennaja Vojna B. Obamy [B. Obama's unfinished war] *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 61. No. 2. P. 13–22.
- Snyder G., Diesing P. (1977). *Conflict among Nations: Bargaining, Decision Making, and System Structure in International Crises*. Princeton University Press. 596 p.

- Stepanova E. (2008). Terrorism in asymmetrical conflicts: Ideological and structural aspects. SIPRI Research Report. No. 23. 200 p. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/RR/SIPRIIR23.pdf>
- Sushentsov A.A. (2013). *Ocherki politiki SShA v regionalnyh konfliktah 2000-h godov* [Essays on USA policy in regional conflicts in 2000-s years]. M.: MGIMO. 272 p.
- Sushentsov A.A. (2014). *Malye vojny SShA. Politicheskaya strategiya SShA v konfliktakh v Afganistane i Irake v 2000–2010-h godah* [Small wars of the USA. Political strategy of the USA in conflicts in Afghanistan and Iraq in 2000–2010 years]. M.: Aspekt Press. 263 p.
- Teteryuk A.S., Chizhevsky Y.A. (2016). Bespilotnye letatel'nye apparaty v asimmetrichnykh konfliktakh [Unmanned flying vehicles in asymmetric conflicts]. *Mezhdunarodnye processy*. Vol. 14. No. 2. P. 189–201.
- Teteryuk A.S., Chizhevsky Y.A. (2013). Central'noaziatskij trek rossijskoj vneshnej politiki [Central Asian track of Russian foreign policy]. *Mezhdunarodnye processy*. Vol. 11. No. 3–4. P. 103–115.
- Teteryuk A.S., Chizhevsky Y.A. (2015). Otsenka effektivnosti voennogo aspekta strategii NATO v Afganistane, prinjatoj pri B. Obame [Assessment of effectiveness of military aspect of NATO strategy in Afghanistan adopted under B. Obama] *Sravnitel'naya politika*. Vol. 6. No. 2 (19). P. 110–124.
- Timofeev I.N. (2011). Mezhdunarodnoe soobshhestvo i predely vmeshatel'stva v konflikty "krisisnyh gosudarstv": kazus Afganistana [International community and limits of interference into conflicts of «crisis states»: Afghanistan case]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No. 5. P. 27–36.
- Veselovskij C. (2013). *Vojny budushhego* [Wars of the future]. Rossijskij Sovet po Mezhdunarodnym Delam. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vojny-budushhego/>